

Евнух утер слезы рукавом и начал жаловаться Лу Цзыяо:

— Её высочество си-фэй каждый день топает ногами и бранит нас, приказывая мыть и купать маленького принца! Но маленький принц — обученный боец! Более двух десятков евнухов силой удержать его пытались — и все без толку! Он скользкий, словно вьюн, и стремительный, как тигр!

Лу Цзыяо: «...»

Только в подобные моменты его упитанный малыш демонстрировал задатки настоящего Лун Аотяня.

Увидев Лу Цзыяо, стоявшие вдалеке евнухи воспрянули духом, точно узрели своего спасителя, и залились слезами радости...

«Ваше высочество наконец-то помыться соизволит!»

— Господин Лу! Поспешите засвидетельствовать свое почтение его высочеству! Больше нельзя медлить! — закрыв лицо руками, разрыдался евнух.

Лу Цзыяо бросил взгляд в окно на холеного малыша с холодным выражением лица, и на душе у него стало неуютно.

Каким может быть детеныш Лун Аотяня с уровнем очернения, равным трем?

В первую секунду он даже побоялся столкнуться с ним лицом к лицу.

Немного подумав, Лу Цзыяо решил действовать постепенно и первым делом смягчить нравы Лун Аотяня с помощью молока.

Поэтому, дождавшись окончания занятий, Лу Цзыяо не стал сразу входить в учебную комнату, а попросил другого компаньона передать принцу приготовленное им лично свежее молоко, надеясь возродить былые «отцовско-сыновние чувства».

Компаньон, на которого возложили столь ответственное поручение, робко протянул молоко седьмому принцу и дрожащими руками произнес:

— Ваше высочество, вам пора пить молоко.

Седьмой принц равнодушно уставился вперед, поднял руку, забрал бурдюк и, запрокинув голову, сделал глоток.

Оцепенение в его взгляде сменилось внезапной остротой. Седьмой принц опустил глаза на бурдюк и низким голосом произнес:

— Лу Цзыяо вернулся.

У Лу Цзыяо, прятавшегося за дверью, ушло сердце в пятки.

Толстенький малыш никогда не называл его по полному имени!

Всё, конец!

Он точно превратился в испорченного ребенка!

Маленький компаньон, принесший молоко, нервно улыбнулся и, опустив голову, не посмел возразить, а лишь угодливо поддакнул:

— Ваше высочество прозорливы, как божество! Стоило сделать глоток, как вы тут же узнали, что господин Лу вернулся!

Услышав это, скрывавшийся у двери Лу Цзыяо почувствовал, как теплеет у него на душе.

И вправду, толстенький малыш все еще помнит о нем: стоило отпить немного молока, как он сразу распознал его особый рецепт!

Седьмой принц опасно сощурился и холодно хмыкнул:

— Кроме него, кто еще осмелится недоложить мне две ложки меда? Принесите липовый мед.

Лу Цзыяо: «...»

Оказывается, пухлик просто затаил обиду из-за того, что молоко было недостаточно сладким!

Компаньон, передававший молоко, тут же велел дворцовой служанке сбегать за медом.

Увидев, что служанка несет целую пиалу меда и собирается войти, Лу Цзыяо не выдержал. Он выскочил прямо перед ней и тихо проговорил:

— Его высочеству нельзя пить такое сладкое молоко!

Служанка только собралась ответить, но, подняв глаза, увидела стоящего за спиной Лу Цзыяо человека и тут же склонила голову в поклоне:

— Седьмой принц, мед принесли.

Лу Цзыяо вздрогнул всем телом — он уже чувствовал, как жажда крови за его спиной буквально пронзает его насквозь...

Дрожа от страха, он повернулся и увидел седьмого принца с чумазым личиком, который не мигая зафиксировал на нем свой взгляд.

— Ваше... ваше высочество снова подросли? — Уголок губ Лу Цзыяо задергался, ему страстно захотелось сжаться в комочек.

Седьмой принц шагнул вперед, приближаясь.

Лу Цзыяо испуганно втянул голову в плечи и сделал шаг назад.

Седьмой принц сделал еще шаг навстречу.

Лу Цзыяо отступил еще на шаг, пока не уперся спиной в дверной косяк.

Служанка, которую он заслонял собой, наконец оказалась рядом с седьмым принцем.

Увидев, как седьмой принц тянется к пиале с медом, Лу Цзыяо с опозданием осознал, что уступить дорогу никак нельзя было!

Он только хотел вытянуть руку, чтобы остановить его, но седьмой принц ледяным взглядом

установился на него, чуть опустил подбородок, прищурился, взял пиалу с медом и, запрокинув голову, в один приход осушил ее до дна.

Лу Цзыяо обомлел от ужаса!

Это же провокация!

Демонстрация силы!

Его маленький пухлик превратился в бунтаря!

Беспомощно наблюдая, как ребёнок-бунтарь натошак заглатывает целую чашу меда, Лу Цзыяо вспыхнул от гнева:

— Ваше высочество! Вам нельзя...

— Что нельзя? — Седьмой принц сощурился и установился на него. — Ты вообще кто такой?

Лу Цзыяо: «...»

— Ах... — Седьмой принц изобразил наигранное озарение. — Так это ты, тот самый компаньон седьмого принца, что прожил у двоюродного деда полжизни?

Лу Цзыяо: «...»

Прошло всего четыре месяца!

Зачем специально подчеркивать его статус «компаньона седьмого принца»?!

Коварный маленький бунтовщик!

— Давно не виделись, — с затаенной темной аурой вокруг себя, но делая вид, будто исполнен благородства, седьмой принц сощурился и представился Лу Цзыяо: — Я, седьмой принц Лу Цянь. Все еще помнишь меня?

Лу Цзыяо в полной мере ощутил всю глубину гнева маленького пухлика.

Уровень сарказма этого мальчугана был прямо пропорционален его настроению.

На этот раз он разозлился не на шутку!

— Я обещаю, что больше никогда не поеду навещать двоюродного дедушку! — Умеющий подстраиваться под обстоятельства Лу Цзыяо прекрасно понимал: идя напролом против Лун Аотяня, доброго исхода не жди. И потому мгновенно признал свою вину: — Я привез из поездки молоко с новым вкусом. Чуть позже покормлю вас, выпьете три кувшинчика, хорошо?

— А-яо! Ты наконец-то вернулся! — Вдали стояли шестой принц и пятый принц, ошалело махавшие Лу Цзыяо руками, словно терпящие бедствие на необитаемом острове при виде спасательной команды.

Лу Цзыяо: «...»

Неужели вы не можете подойти хоть немного ближе?

Его толстенький малыш вовсе не настолько грязный, как казалось!

— Ты, должно быть, сильно устал с дороги в столицу? Скорее пойдём с седьмым братом в купальню, посидите в воде, снимете усталость! — завуалированно подал сигнал о помощи пятый принц.

Лу Цзыяо с тревогой встретил леденящий взгляд седьмого принца и с улыбкой предложил:

— Что ж, идея хорошая. Я давненько не принимал горячие ванны вместе с вашим высочеством...

— Хочешь, чтобы я помылся? — наклонив голову, спросил седьмой принц.

Лу Цзыяо улыбнулся:

— Конечно хочу!

Ребенок-бунтарь изогнул губы в ухмылке:

— Не стану. Я останусь таким.

Лу Цзыяо: «!!!»

Его малыш действительно испортился!

Этот мальчуган знает, что его отказ мыться доводит до отчаяния и его, и старших братьев, и даже матушку-наложницу, поэтому намеренно проявляет непослушание!

Лу Цзыяо глубоко вздохнул, уверяя себя успокоиться.

За эти годы он прочел немало книг по детскому воспитанию. Подобное бунтарское поведение обычно вызвано тем, что ребенок чувствует себя заброшенным и сознательно хулиганит, дабы привлечь к себе внимание.

Нужно проявить терпение.

Толстенький малыш — ребенок, которому нужна прямая забота и любовь, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Если его обидеть или напугать, душа малыша снова покинет его пухлое тельце и станет отстраненно наблюдать за всем со стороны, что приведет к нежелательным последствиям в виде крайней душевной черствости.

Маленький пухлик, которого Лу Цзыяо согревал десять лет, ни в коем случае не должен очерниться!

Разумеется, у маленького пухлика уже окрепнули крылья, и Лу Цзыяо при всем желании не сумеет его принудить. Заставить седьмого принца вымыться невозможно ни в теории, ни на практике.

Остается только умасливать и уговаривать!

*

— И лекари, и евнухи — все вернулись? — с холодным лицом спросила хуэй-фэй прибежавшего с новостями маленького евнуха.

Евнух поклонился и доложил:

— Раб проверил всё в канцелярии: все, кто выезжал из столицы, вернулись во дворец и отметились о прибытии.

Хуэй-фэй ненадолго умолкла, затем взмахом руки велела ему удалиться.

В тихом внутреннем покое осталась лишь она да служанка из личной свиты.

Хуэй-фэй внезапно презрительно усмехнулась:

— Я с самого начала догадывалась, что он не вернется. И надо же, говорил еще, будто лицо моей милости нисколько не изменилось... вздумал морочить мне голову теми же глупостями, которыми дурят молодых девиц!

Она взглянула на засохшие ветви за окном и прошептала:

— Сплошная ложь.

*

Спустя два дня.

Наследный принц представил Императору доклад об обуздании чумы в уезде Пинжун. Лу Цзыяо, а также участвовавших в борьбе с эпидемией лекарей и слуг вызвали в Зал Воспитания Разума для пожалования наград.

Главная заслуга, разумеется, принадлежала Лу Цзыяо. Император проявил куда большую щедрость, чем Императрица: помимо серебра, он пожаловал несколько сотен рулонов облачного шелка.

После того как Лу Цзыяо выразил благодарность за милость, настала черед придворных лекарей получать награды, а следом — сопровождавших их евнухов.

Странно, но Чжан Сы среди них не было.

Пользуясь тем, что Император не обращает внимания, Лу Цзыяо оглядывался по сторонам в поисках Чжан Сы, но неожиданно столкнулся с ледяным взглядом наследного принца.

Лу Цзыяо вздрогнул и с озадаченным видом вопросительно посмотрел на наследного принца.

Сквозь толпу стоящих на коленях и принимающих награды евнухов они молча смотрели друг на друга.

Наследный принц бесстрастно покрутил головой, словно подавая знак не оглядываться по сторонам.

Лу Цзыяо послушно опустил голову, чувствуя дурное предчувствие.

В тот день Чжан Сы оглушил множество больных. Из-за спешки при закрытии решетчатых ворот Лу Цзыяо даже не заметил, проявил ли Чжан Сы при наследном принце свое боевое

мастерство, но теперь, размышляя об этом, понял: обман, скорей всего, раскрылся.

Неужели Чжан Сы тайком казнили по приказу наследного принца?

Подумав об этом, Лу Цзыяо сжал кулаки, кляня себя за то, что, едва перенеся беду с чумой, совершенно потерял бдительность.

Вспоминая прошедшее, Чжан Сы, когда сходил с корабля, все время хранил молчание. Сколько бы Лу Цзыяо ни пытался заговорить с ним, тот уклонялся от ответа, словно опасаясь кого-то.

Теперь, подумав об этом, Лу Цзыяо понял: тогда наследный принц непрерывно находился рядом, так что, вполне вероятно, он уже пообщался с Чжан Сы.

Сердце Лу Цзыяо заколотилось как бешеное.

Едва дождавшись окончания аудиенции и отбив поклоны Императору, он сразу же побежал во дворец Чжунцуй искать Чжан Сы.

— Чжан Сы не возвращался.

Именно такой ответ дал ему евнух из дворца Чжунцуй.

Лу Цзыяо побрел по дворцовому переулку, совсем пав духом.

В его памяти всплыла та ночь, когда на них напал крестьянин-убийца, и Чжан Сы, раздув трут, разогнал царивший в комнате мрак и спас ему жизнь.

<http://bllate.org/book/18379/1767081>